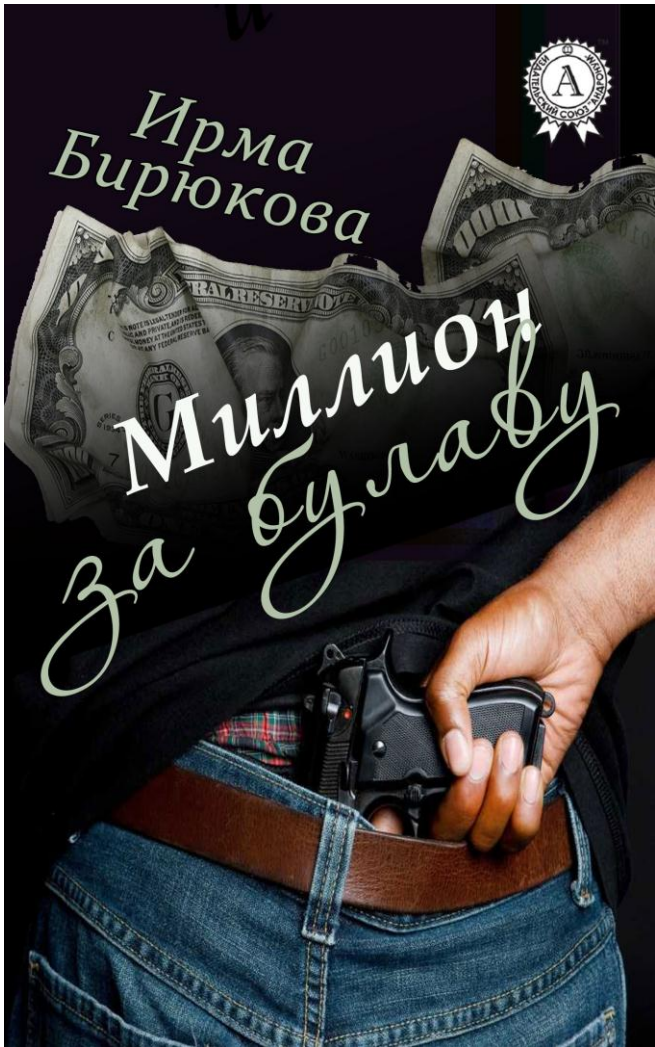




Ирма
Бирюкова

Миллион
за булаву



Аннотация

Сюжет и персонажи этой книге родом из лихих 90-х, повествование основано на событиях, происходивших в те годы в самой западной части России — Калининградской области.

Ирма Бирюкова

Миллион за булаву

Глава первая

Ничем другим это кончиться и не могло, — обреченно думала я, глядя на отчаянно ревущую дочь. Собственно «это» ничего определенного не означало, просто день с утра выдался на редкость неудачным. Прежде всего, мы проспали. Правда, в этом как раз ничего особенного не было. С суматошной беготни из туалета в ванную, оттуда на кухню, с поисков колготок, носовых платков, торопливого заглатывания каши и чая начиналось каждое утро в нашей маленькой, но дружной семейке. В последний раз, столкнувшись лбами в крохотной прихожей, потому что мои ключи почему-то каждый раз валялись под обувной полкой, наскоро поцеловавшись, мы с Марусей разбегались по делам. Вернее, разбегалась я, а мой хитрый ребенок только изображал страшную прыть. Едва свернув за угол нашей девятиэтажки, Маруся переходила с рыси на неспешный, я бы даже сказала, ленивый шаг и так плелась все триста метров до школы, где в своем 4-а» ей приходилось страдать по несколько часов в день.

Вся милая утренняя сценка повторилась и сегодня с той лишь разницей, что на этот раз под обувной полкой оказались не только мои, но и Марусины ключи. «Они же были у меня в сумке», — подозрительно глядя на неприлично голую девушку-брелок, произнесла дочь. Запихивая ключи в яркий импортный рюкзачок, она еще что-то недовольно бурчала, словно металлическая девушка самолично перебралась на пол.

Так что собственно неприятности начались по дороге на работу: меня успел перехватить Мишка, чего ни за что не случилось бы, выскочи я из дома хоть на пару минут раньше. Мишка — странная личность. Он мой коллега. Вот уже несколько лет мы трудимся в одной редакции и столько же времени живем в соседних домах. Иногда по утрам, если я теряю бдительность или он не сильно перебрал с вечера, вместе ходим на работу. Но я всячески стараюсь избегать этих свиданий, потому что Мишка удивительным образом умеет испортить настроение и всюю этой способностью пользуется. Он знает все, что творится в высоких редакционных кабинетах, и если там готовится какая-нибудь пакость нашему брату-корреспонденту, Мишка не упустит случая сообщить жертве, как плохи его дела. При этом он непременно выбирает момент, когда рядом никого нет, поминутно озирается, говорит свистящим шепотом и страшно плюется, а

пот конец крепко жмет руку и сердечно произносит: «Но если что, я за тебя. Я им так и сказал, так что не думай...».

Вот и сейчас, не тратя времени на приветствия, Мишка крепко ухватил меня за локоть, интимно склонился к уху и захлеб зашептал: «Да, мать, здорово ты прокололась! Шеф вечером тебя раз десять спрашивал. Где Смородина, да где Смородина? А Смородина даже в дежурную тетрадку не записалась! Ну, сегодня держись! Но если что, я за тебя, я ему так и сказал. Мол, Смородина — девка еще молодая, журналист неопытный, начинающий, ее не выгонять, а поправлять надо. Помогать надо, советовать, подсказывать».

— Что ты мелешь, Мишка? Откуда меня выгонять? И отпусти руку, синяки же будут!

С тем, что я уже давно не «девка молодая», да и журналист не такой уж неопытный, я даже спорить не стала. Бесплезно. Я действительно была молодой и неопытной, когда пришла в редакцию областной партийной газеты по распределению после московского журфака. Но, похоже, время — а с тех пор прошло девять лет — не имеет власти над особой кадровой психологией нашего творческого коллектива. Я и по сей день не стала в нем своей и заслужила, в лучшем случае, чуть больше снисходительности, чем ко мне

проявлялось в первые пять лет трудовой деятельности.

— Мать, ты что — не в курсе, что ли? Ты же сдала материал про акции?

— Ну, сдала. Так он у меня заявленный, как положено, на планерке утвердили, я только задержала его немного, но за это ведь не увольняют, так что успокойся. И помни: я с тобой.

Мишка хмыкнул, игриво пихнул меня плечом и со словами «Ладно, я предупредил, а там гляди» открыл стеклянную дверь, пропуская в просторный вестибюль Дома печати меня и целую ораву таких же запыхавшихся дам. Окончательно нас разлучили лифты. Мишка не влез ни в один из двух и остался внизу. Через десять минут, когда на моем столе затрещал внутренний телефон, и трубка сладеньким голоском нашей секретарши Валечки с затаенным злорадством сообщила, что Смородину ждет товарищ редактор, я мысленно поблагодарила Мишку за то, что уже не надо ломать голову, зачем это я с утра пораньше потребовалась шефу.

— Верочка, голубушка, ты что же это задумала? — вальяжный и всегда невозмутимый Виктор Сергеевич откровенно волновался. — Ты что ж такое насочинила? Это же грязные инсинуации! На какой почве такие некрасивые подозрения? Ты им шьешь практически криминал, а у тебя кроме сплетен и домыслов, никакой

фактуры! Это же все исключительно достойные, уважаемые, известные в области люди! И потом, не пойму, ты против рынка, что ли? Против генеральной линии? Против читателя?

— Виктор Сергеевич, я не могу, когда столько вопросов сразу! Давайте по порядку. Во-первых...

— Никаких первых и вторых, голуба моя! Забери свое произведение в секретариате и забудь о нем, как о страшном сне! Он не стоит того, чтобы его даже обсуждать. Не знаю, как твое, а мое время дорого. Иди и работай, Смородина. Глеб скажет, что у тебя сегодня.

Еще не закончив напутствие, редактор нажал кнопку селектора и озабоченно произнес в ящик: «Валечка, если кто ждет, пусть заходит». Поскольку я все еще упрямо торчала возле стола, пытаясь хоть что-нибудь сказать, Виктор Сергеевич раздраженно взял меня под локоток («Точно как Мишка», — промелькнуло в голове) и подтолкнул к двери, которая в этот момент распахнулась, впуская барского вида посетителя, стрельнувшего в нас злыми глазками из-под кустистых седых бровей.

Уже закрывая дверь, я услышала его неожиданно писклявый для такого солидного облика голос:

— Это и есть ваша Смородина?

Голова была занята выстраданным и так жестоко забракованным шедевром, поэтому я не

обратила особого внимания ни на посетителя, ни на его странный интерес ко мне. А зря. Как вскоре выяснилось, внимания бровастый незнакомец стоил.

Однако времени, хоть и не столь дорого, как у начальства, у меня было в обрез, поэтому я сразу кинулась в секретариат, где ответсек Глеб, не дожидаясь никаких вопросов, протянул два сложенных пополам листочка, немилосердно исчерканных красным карандашом. Поперек всего текста шла жирная красная же надпись «Архиглупость!». Глеб, застенчиво дыша в сторону — и совершенно напрасно, потому что тяжелая аура перегара уже все равно распространилась по всему кабинету, — ободряюще похлопал меня по плечу и посоветовал сильно не переживать, а плюнуть и растереть. Тем более что шеф велел отправить меня на заседание депутатской комиссии, потом срочно выдать впечатления от выставки-продажи сельскохозяйственного оборудования, естественно, предварительно посетив ее, и, напоследок, поприсутствовать на презентации фирмы «Друг», которая состоится в семь вечера в одно уютном частном ресторанчике. Репортажик строк на восемьдесят — вот все, что требовалось вынести с этого торжественного события.

— Глеб, ты в уме ли? У меня своих дел выше

крыши, запланированных. Зачем мне идти на комиссию, когда этим у нас занимается Татьяна? Село всю жизнь было у Захарова, к тому же его материал с выставки уже на машинке, сама вчера видела. А презентация эта? Я должна, на ночь глядя, тащиться в какой-то кабак? Будто я не знаю, что это такое — уютный ресторанчик! Как я домой доберусь? А Маруся? У нас сегодня гимнастика! И не ломай ты шею, дыши ровно, я уже с порога поняла, что тебе надо не тут торчать, а пойти опохмелиться.

— Вера, я тебе передаю распоряжение редактора. Не нравится — с ним разбирайся. А на похмелку дензнаки нужны. Если есть — давай, а то бесплатно советовать все вы горазды. — Глеб обиженно отвернулся.

Я махнула рукой и побрела к себе. Сунула исчириканный материал в сумку и задумалась. Что-то здесь не так. Я не считаю себя выдающимся мастером пера, но обычно мои писания не возвращают, да еще с такой разгромной резолюцией. Кстати, совершенно несправедливой. Да еще без всяких объяснений. И потом, почему мне так плотно зажали день? До поздней ночи я получаюсь на работе. Да это-то ладно, в газете всякое бывает, случается, что и продыхнуть некогда, но никто и никогда не навязывает расписание. Я протянула руку к телефону, хотела

узнать у Татьяны, признанного знатока советов, депутатов и их комиссий, почему меня сунули в ее тему, но не успела, потому что аппарат неожиданно — я даже вздрогнула — зазвонил сам. Я сразу узнала Игоря — консультанта моей «Архиглупости». Собственно, он больше, чем консультант. Если бы не Игорь, я бы за эту инвестиционную компанию с ее липовыми акциями ни за что не взялась.

— Игорь, материал зарубили, — сходу пожаловалась я.

— Я как раз хотел тебя предупредить но это не по телефону. Надо встретиться.

Только позже я поняла, что пропустила мимо ушей еще одну странность, но тогда успела только произнести:

— Сегодня не могу.

Объяснить, почему не могу, не получилось, потому что дверь распахнулась, будто от пинка, и в кабинет влетел разъяренный редактор. Видно было, что кривая его настроения резко шла вниз. И все из-за меня.

— Ты еще здесь, Смородина?! — Я не узнавала обычно обходительного с сотрудницами шефа. — Дисциплину у нас еще никто не отменял! Или ты сию же минуту отправляешься на комиссию, или получаешь выговор в приказе! Через две минуты проверю, так что рекомендую

прекратить посторонние разговоры по телефону! И предупреждаю: никуда не таскай эту свою статью, не позорь себя и газету!

Сходив ненадолго замуж, я, в общем-то, знаю, как бороться с мужскими истериками, поэтому как можно ласковее, с придыханием прошептала в трубку: «До встречи, милый, и обязательно позвони мне сегодня вечером. Я буду очень, очень ждать...!». Шеф так раскричался, что Игорю, конечно, все было слышно, поэтому он моментально сориентировался и без всякой надобности, потому что редактор уже шумно захлопнул за собой дверь, подыграл мне не менее ласковым: «Целую, лапа».

А я, схватив сумку, выскочила в коридор и успела крикнуть в широкую редакторскую спину, что на депутатов, так и быть, согласна, и на выставку тоже, если, конечно, редакции необходимы с нее целых два материала, но ни на какую ночную презентацию не пойду, пусть он объявляет хоть десять выговоров и пусть даже увольняет. Приподнятые поролоновыми подкладками плечи стильного пиджака чуть дернулись, и хотя ответа не последовало, я поняла, что злачные увеселения отменяются.

Внизу я быстренько оглядела припаркованные к Дому печати легковушки, надеясь обнаружить в редакционной черной «Волге» Антона Петровича.

С ним всегда можно было договориться, но за рулем важно развалился пухлый и вредный Санечка, у которого никогда не было бензина для рядовых сотрудников. Я свернула к трамвайной остановке, на бегу успев злорадно отметить, что Санечка со своей заметно потрепанной «Волной» сильно теряет от соседства с новеньким красным «Мерседесом».

После нудного депутатского толковища, о котором писать было совершенно нечего, потому что ничего, естественно, на нем не решилось, я, тем не менее, прямо в облсовете набросала отчет, устроившись в крохотном кабинетике помощника председателя этой самой постоянной комиссии, который ко мне почему-то благоволил. Потом, памятуя о предстоящих в случае неповиновения грозных репрессиях, двинулась на сельскохозяйственную выставку, быстренько проскочила вдоль длинного ряда агрегатов, надо сказать, устрашающего вида и залегших, словно в засаде, и помчалась навстречу новым неприятностям.

Очередная имела даже имя — Карина — и все к нему прилагающееся: руки, ноги, голову и чрезвычайно острый язычок. Карина была тренером детской спортивной школы, и в ее группу по художественной гимнастике вот уже третий ход ходила моя Марусенька. Раньше я ее отвозила и

привозила, но с этой зимы решила только встречать. Все-таки уже десять лет, пора привыкать к самостоятельности, тем более что трамвайная остановка была напротив спортзала, а другая в пяти минутах ходьбы от дома.

Трижды в неделю наши с дочкой утренние хлопоты разнообразились нытьем по поводу того, что надоела Маруське эта гимнастика, что Карина злая и противная, что она лягается, как лошадь, если не так поставишь бедро, и вообще, чуть что — ругается и обзывается «мясокомбинатом», и что надо быть совершенно бессердечной матерью, чтобы позволить посторонней, грубой и невоспитанной женщине издеваться над единственным ребенком. «А если она мне на растяжке связки порвет?» — трагически округлив глаза, вопрошала Маруся, зорко наблюдая за моей реакцией. И стоило чуть-чуть, в самой глубине души, дрогнуть, как она моментально развивала наступление. В конце концов, я соглашалась, что уж один-то разик пропустить тренировку можно, но вот послезавтра... «Обязательно, мамочка, как можно два раза подряд! Разве я не понимаю?» — радостно прыгала на меня Маруся и слюнявила щеки горячими благодарными поцелуями. Послезавтра все ее претензии к Карине повторялись с небольшими вариациями...

Но сегодня мы никак не могли пропустить

занятия. Маруся это понимала и утром даже не заикнулась на любимую тему. Сегодня Карина проводила генеральную репетицию завтрашних соревнований, ответственного показательного мероприятия, к которым она относилась очень серьезно. Бедные девочки за месяц начинали ощущать важность события, и по мере приближения заветного дня тренировки становились все жестче, а гонения на нерадивых — все суровее. Родителям тоже доставалось. Кроме жалоб на дочерей, Карина одаривала нас подробными инструкциями о том, что должно быть надето на девочках, что обуто (каждый раз непременно новые, ненадеванные белые тряпичные тапочки), какие из предметов должны быть выстираны, какие отполированы (чтобы булавы блестели!), и сколько денег надо собрать «на организацию», то есть на цветы, минералку и пирожные на стол судейской коллегии, на призы для победителей и на всякие пустячки для утешения неудачниц.

Слава Богу, у меня все было готово. Я даже успела украсить симпатичный «торжественный» купальник круглым кружевным воротничком и манжетами почти по Гумилеву. Но если за внешний вид душа моя была спокойна, то за проставленные Маруське баллы — отнюдь. Я предчувствовала, что так просто Карина нас сегодня не отпустит и

придется выслушать, что «ваша девочка, уважаемая Вера Николаевна, очень способная, но еще больше — ленивая», что она не элегантная и не умеет показать кураж, что напрасно я не воспитываю в дочери силу воли и волю к победе, что, наверное, у меня на первом месте собственные интересы, а не забота о будущем Маруси, которой останется только болтаться по подворотням, если она, Карина, ее выгонит. А именно это и произойдет, если мы с дочкой не возьмемся за ум!

Я и так-то всячески избегала столкновений с Кариной, а в такие дни, как сегодня, просто боялась попадаться ей на глаза. Но когда у Карины созревало желание пообщаться с родителями, избежать этого было невозможно. Вот и сейчас маленькая, юркая, жилистая и чернявая Карина, словно чертик, выпрыгнула из зала, как только я зашла в раздевалку. И пока Маруся, пыхтя, стягивала купальник, гетры, тапочки (каждодневные), она бойко и с большим чувством выдала обычный репертуар угроз и обвинений, закончив, однако, несколько неожиданно, так сказать, не в русле: «Знаете, Вера Николаевна, определенные сдвиги есть. За обруч я, правда, беспокоюсь, но вольные у Маруси на уровне». Едва не прослезившись от непривычной похвалы, я подхватила Маруську, и мы помчались на остановку, от которой, естественно, как раз

отходила наша «шестерка». Мы даже успели постучать в заднюю дверь, правда, не рассчитывая, что девушка-водитель сжалится, — так, на всякий случай. Она и не сжалилась, и мы приготовились не менее, чем к получасовому ожиданию.

— Мама, возьмем такси, — проныла Маруся, бессильно висевшая на моей руке. — Ну и что, что дорого, зато быстро. Мы хоть выспимся.

И, не встретив сочувствия, еще жалобнее добавила: «У меня ведь завтра такой ответственный день!». Это было справедливо, да и мне и самой не больно-то хотелось торчать на остановке, и Игорь должен позвонить, и белье в ванне замочено с вчерашнего утра, и очень хотелось есть. Господи, хлеба-то в доме ни крошки! Значит, еще надо заскочить в магазин, а через полчаса булочная возле нашего дома закрывается. Придется выходить на площади — как раз на середине пути — там гастроном открыт до одиннадцати вечера. Нет, наверное, все-таки надо брать такси. Черт с ними, с деньгами, в понедельник у нас аванс и гонорар. С хлебом до алиментов продержимся. И все-таки я еще раздумывала и, кто знает, решила бы махнуть редко проезжающим мимо «Волгам» с белыми шашечками, если бы судьба не приготовила нам сюрприз.

Из-за поворота, почти не сбавив скорости, вылетели синие «Жигули» и с визгом затормозили

возле нас с Марусей, хотя я и не думала голосовать, родными средствами массовой информации приученная с подозрением относиться к левакам, на которых некому даже будет потом пожаловаться. Но тут за рулем сидел простецкий с виду, немолодой дядька в смешной клетчатой кепчонке и приветливо, хотя и несколько суетливо, сам замахал нам рукой. При этом он с интонациями базарного зазывалы приговаривал: «Давайте, мамаша, заходите в машину, доставлю в лучшем виде. Девчоночка-то у тебя, глянь, на ногах не стоит. И где так замаяла дите!». Маруська с надеждой глянула на меня и, не дожидаясь родительского благословения, кинулась к задней дверце, которую клетчатый частник галантно распахнул перед ней. «А тебе, мамаша, придется рядом со мной, а то взад у меня вещички сложены, с дачи везу, не поместишься. А впереди оно еще и удобнее, мамаша. Как королевы поедете».

Я плюхнулась на слегка замызганное переднее сиденье и, повернувшись к Марусе, увидела, что ей и одной едва-едва хватает места, потому что салон действительно был завален какими-то сумками и туго набитыми сетками. На вершине этого хозяйственного изобилия красовалось оцинкованное корыто, из которого торчал пузатый школьный портфель, Маруська прижалась к дверце, а свой рюкзачок примостила внизу, придерживая

его за оранжевую лямку.

— Поехали, — скомандовала я водителю. — Только остановитесь у гастронома на площади, нам хлеба надо купить.

— Остановлюсь, мамаша, почему нет, только в таком разе ты мне триста рубликов уж сейчас давай. Я тебе верю, личность у тебя серьезная, интеллигентная, да и дите при тебе, но уж у нас порядок такой. А то сейчас один вот тоже попросил остановиться, вышел с друзьями поговорить, а сам...

— Смылся, что ли? — Без особого интереса поддержала я разговор.

— Да не то, чтобы смылся, друзья, похоже, не те оказались, — вроде бы и сам удивляясь, задумчиво объяснил водитель. — Там такая драка началась, я и дожидаться не стал, уехал от греха подальше. Вроде как стреляли даже.

В стрельбу я, конечно, не поверила, но спорить не стала. Порядок есть порядок, да и разговаривать не хотелось. Нашаривая в сумке кошелек, я наткнулась на свою с позором возвращенную «архиглупость» и сразу вспомнила все странности, которыми сопровождалась эта процедура. В том числе и ту, что промелькнула в коротком разговоре с Игорем. О чем он хотел меня предупредить? Не мог же он знать то, о чем я сама узнала за несколько минут до его звонка! Но он

сказал: «Я как раз хотел тебя предупредить». Я так задумалась, что неожиданно крутой вираж «Жигулей» застал меня врасплох. Высоко подпрыгнув на сиденье, я завалилась к дверце и больно прикусила язык.

Сзади жалобно пискнула Маруся: вместе с корытом на нее упало несколько свертков и узлов, и бедный ребенок еле выкарабкался из-под этой кучи. «А где мой рюкзак? — заверещала она, ныряя рукой в грудку сумок, оставшихся на полу. Покопавшись там, она, видно, нащупала знакомую ляжку, потому что успокоенно произнесла: «Вот он, мой миленький и красивенький!». Ярко раскрашенный и разрисованный рюкзачок действительно был хорош, но Маруся дорожила им главным образом потому, что это был подарок бабушки на день рождения. К тому же он был не только вместительным, но и многофункциональным. Маруся ходила с ним в школу, в магазин, на тренировки и никаких других сумок не признавала.

— Вы бы поосторожнее, дядя, — недовольно прошепелявила я, ощущая во рту ржавый привкус крови.

— Извиняюсь, мамаша, но гляди, какой народ дикий ездит, прет прямо в лоб! Как пить дать, врезался бы, не сверни я в сторону! А вот и ваш гастроним, бегите за хлебом. Я чуток вперед

проеду.

Маруся, конечно, выскочила следом за мной, как я ее ни уговаривала «посидеть с дядей». Очередь, на наше счастье, была небольшая, но минут десять на нее ушло. «Ладно приплачу полтинник, не сотню же он запросит за ожидание, совесть-то должна у человека быть», — думала я, бегом пробираясь к выходу и волоча за руку еле передвигающую ноги Маруси.

Совести у человека — во всяком случае, этого — не было. Как мы с Марусей ни вглядывались в реденькую кучку машин, припаркованных к тротуару «чуток впереди» гастронома, нашей среди них не оказалось. Ни впереди, ни позади, нигде не стояли синие «Жигули», хозяин которых присвоил наши кровные триста рублей.

«Жулик», — дружно решили мы с Марусей, но сильно расстраиваться сил уже не было. Не особенно даже торопясь, мы двинулись к трамвайной остановке. «Шестерка» подошла неожиданно быстро, и мы благополучно добрались до дома. Было еще совсем не поздно, около десяти, когда я, покормив Марусю, поплелась в ванную, чтобы взяться наконец за стирку. Маруся у себя в комнате разбирала рюкзак. Я уже налила воды в точно такое же, как в машине у жулика-частника, корыто, и только протянула руку к пачке «Лотоса», как из Маруськиной комнаты раздался жуткий

воплъ, потом оглушительный рев. С внезапно остановившимся сердцем я секунду бессмысленно глядела на корыто, а потом кинулась к Марусе.

Картина глазам предстала такая: моя дочь, раззявив в горьком плаче рот, стоит возле кровати. На кровати, зияя, в свою очередь, расстегнутой застежкой-молнией, стоит яркий рюкзак с отваленной в сторону лямкой, которая из оранжевой почему-то превратилась в фиолетовую. Увидев меня, Маруся дернула за эту лямку и сквозь слезы возмущенно выговорила: «Посмотри, чего это он...». Тут она всхлипнула и продолжать не смогла из-за нового приступа рыданий. Но я и так уже видела «чего это он». Вместо купальника, тапочек, ленты на тонкой рукоятке, в поте лица сооруженной мною из бамбуковой удочки, вместо пары булав и резинового мяча, короче, вместо спортивных причиндалов Марусин рюкзак был доверху набит пачками денег, перетянутыми вдоль белыми бумажными полосками. Почему-то стараясь не задеть рюкзак руками и для верности даже заложив их за спину, я наклонилась над деньгами и обнаружила, что это не рубли! Тут же мне стало ясно, что это такое, но я, продолжая тупо пялиться на зеленые купюры, спросила у Маруси: «Что это, Мария?».

Видимо, потрясенная непривычным в нашем обиходе обращением, она внезапно перестала

реветь и любезно ответила: «Это баксы, мамочка. Не видишь разве?». На большее Марусю не хватило. Она снова зашлась в плаче, выкрикивая между всхлипываниями: «Как же... Карина... соревнования... лента... булавы... убьет!». Вот тут-то я и подумала, что этот паскудный день только так и мог кончиться. Одно к одному, как говорила моя лучшая и единственная в жизни подруга Люська, которая, к сожалению, живет совсем в другом городе, и у нее нет даже телефона, чтобы я могла ей пожаловаться на очередную подножку судьбы.

Глава вторая

— Ладно, Маруся, — изо всех сил стараясь казаться спокойной, чтобы еще больше не расстраивать ребенка, сказала я наконец. — Ну, баксы. Ну и что? Не видали мы их, что ли?

Доллары и в самом деле не были диковиной в нашей семье. В прошлом месяце я получила их целых 10 штук — за использование в газете города Киля мой публикации о поисках Янтарной комнаты, вернее, о всех глупостях, которыми этот полувековой процесс сопровождается. «Мадам! — галантно было сказано в прилагаемой записке на фирменном бланке. — Мы надеемся на дальнейшее сотрудничество». «Я тоже, если на таких

условиях», — промелькнуло в голове, пока мы обменивались приличествующими случаю любезностями с доставившей валюту оказией — пожилым, хорошо отмытым иностранцем, приехавшим в наш город поклониться могилам предков.

— А с соревнованиями как-нибудь уладим. Что, у Карины лишней ленты не найдется? Тапочки мы, слава Богу, с собой не брали. Купальник вот жалко. На кой черт понадобилось вас вырывать на репетицию? Ну, оденешь, в конце концов, синенький. С полосочкой.

— Да-а-а, с полосочкой! — сквозь слезы недовольно протянула Маруся. — Он же старый. Из него трусики все время вылезают. Карина ругается.

Судя по интервалам между всхлипываниями, ребенок успокаивался, и имеющееся в наличии сокровище начинало привлекать его больше, чем утраченное. Маруся придвинулась к рюкзаку и задумчиво пробормотала: «Интересно, сколько тут?».

— Не вздумай ничего трогать, Маруся! — прикрикнула я, лихорадочно соображая, что же делать. — Сейчас вызову милицию, пусть они их считают, забирают и, вообще, делают, что хотят.

Я направилась в прихожую к телефону, но Маруся успела ухватиться за подол старенького домашнего платья.

— Мама, — страшным шепотом заговорила она, — в милицию звонить нельзя.

— Почему это?

— Как ты не понимаешь, они же придут за своими деньгами. А мы их мало того, что утащили, так еще и в милицию сдали. Они же нас убьют!

— Маруська, что ты несешь? Ничего мы ни у кого не утаскивали. И кто это «они»? И как это «они» нас найдут? А даже если и найдут, то неизвестно, когда. Мы что, сторожить их валюту должны, пока они в поиске? Смотреть за деньгами надо лучше! Ты хоть представляешь, что здесь не десять долларов?

Я решительно выдернула подол из Марусино кулачка, но позвонить в милицию не успела, потому что телефон сам подал голос.

— Верочка, я не слишком поздно? Но у вас никто не отвечал, а ты так просила...

— Игорь, — перебила я, внезапно сообразив, что это самый подходящий человек для того, чтобы дать разумный совет по поводу свободно конвертируемого рюкзака. — У нас тут маленькая проблема. Представляешь, возвращаемся мы с Марусей с тренировки....

Но тут перебили меня. Маруся, свирепо вытаращив глаза и приложив палец к губам, нажала на рычаг.

— Да что с тобой? Ты что, не помнишь

Игоря? Он во всех этих финансах, валютах, мафиях, в отличие от нас с тобой, разбирается. У него знакомых везде полно. Если кто и может что-нибудь посоветовать, так это он. Если уж ты не хочешь в милицию, с кем попало же не поговоришь. Не хулигань, Маруся, и так голова кругом.

— Мама, никому ничего нельзя говорить и никому нельзя доверять. Это же баксы! Давай-ка лучше сами спокойно посидим и подумаем, как будет лучше.

Действительно, мысленно согласилась я, привычная, что в нашем семейном дуэте верховодит моя смышленная дочь. Что это за паника: то в милицию, то с Игорем советоваться... Лишь бы самой не беспокоиться. Никому наши проблемы не нужны. И раз уж доллары попали к нам, сами мы и должны выпутываться из этой нечистой истории. И когда снова затрещал телефон, и Игорь спросил, что там случилось с аппаратом и со мной, я ответила, что ничего особенного, случайно задела, а теперь мне некогда, потому что надо укладывать Марусю, потом еще стирать, а завтра я сама позвоню, потому что надо же поговорить о загубленном нашем труде — материале под рабочим названием «Кампания компании», так что спокойной ночи, Игорь, до завтра!

Я сама чувствовала, что все это звучит как-то

не очень убедительно, уж не знаю, что подумал Игорь, но он покладисто сказал: «Ладно, Вера, как хочешь. Только не забывай хорошую поговорку — не откладывай на завтра то...». Я даже не дослушала. И только положив трубку, сообразила, что забыла его спросить, о чем он хотел предупредить меня днем. Ладно, завтра так завтра.

— Давай, мама, подумаем, как они у нас оказались, — рассудительно предложила Маруся, когда мы вернулись к долларам.

— А чего тут думать, ты перепутала рюкзаки, когда машину занесло, и на тебя посыпалось все то барахло. Напихал для маскировки. «На дачу везу», — злобно передразнила я водилу-валютчика. — Свой в куче ты упустила, а чужой подхватила. Значит, надо искать дядю в кепке. А я на номер даже не посмотрела.

— А я посмотрела! — торжествующе выпалила Маруся. — И запомнила, потому что получился мой день рождения. 20–81. Завтра мы его найдем, отдадим деньги и заберем мой купальник. И без всякой милиции, тихо-мирно. И поклянемся, что никому ничего не разболтаем.

Неожиданно Маруся расхохоталась.

— Ты чего? — мне было не до смеха, я соображала, согласится ли ведущий криминальную тематику Мишка помочь мне выяснить владельца машины по номеру.

— Представляешь, какое у него делается лицо, когда он полезет за баксами, а вытащит мой купальник с кружевами?

От этой картины я тоже развеселилась, и вечер закончился вполне приятно. Правда, за стирку я так и не взялась, потому что мы долго искали, куда бы на ночь спрятать валюту, чтобы было совсем надежно. Наконец, засунули рюкзак на антресоли, в пластиковый мешок с зимними вещами, и Маруська, умиротворенная, улеглась в постель, не забыв потребовать, чтобы я, как всегда, посидела рядом.

— Слушай, Маруся, — воспользовалась я случаем провести среди дочери воспитательную работу, — может, с долларами ты и права, но как же это можно никому вообще не доверять? Так же невозможно. У людей же есть и родственники, и старшие коллеги, наконец, друзья...

— Ага, — насмешливо перебила Маруся, — ты еще про свою Люсю расскажи!

Я смущенно замолчала. Люська действительно плохо вписывалась в беседу о верной дружбе. Именно к ней от нас с Марусей ушел легкомысленный отец и муж Володя Смородин. Правда, я сама его к ней толкнула, можно сказать, собственными руками. То, что каким-то чудом доставшийся мне в спутники жизни красавец, балагур и умница с физмата — не

приверженец супружеской верности, стало безнадежно ясно на втором году совместной жизни, когда Маруся только родилась. Одинокими вечерами в нашей общежитской «семейной» комнате я плакала, страдала и составляла планы страшной мести, но так и не решилась что-нибудь предпринять, главным образом, из-за того, чтобы «ребенок не рос сиротой». Конечно, все свои горести я щедро выплескивала на Люську, с которой мы нежно дружили с первого класса и вместе поступили в университет. Она мне очень сочувствовала, возмущалась и одно время даже не разговаривала с Володей. Принципиально. Но однажды в ответ на мои стенания она вдруг сказала:

— Да пожалей ты его, Верка!

И когда я озадаченно вытаращилась на нее, спокойно объяснила:

— Ну, какая ты ему жена? Он же от тебя уже по всей общаге пробежался! Мужик на глазах курвится, а ты все хнычешь. Его в кулаке надо держать, а ты размазня!

— Его удержишь! Попробуй! Как же! — мне было очень обидно.

— И попробую! Я в общем-то тебя..., как раз собиралась с тобой поговорить... — Люська замялась, что было не в ее обычае, и я, не видевшая мужа уже два дня, поняла, что дело плохо.

— Так он что, у тебя?

— Да. Собирается возвращаться. Но я его не пущу, так что не жди. Он с тобой погибнет. Ищи себе такую же тряпку.

Я не стала спорить. По правде говоря, даже обрадовалась, что уже ничего не надо решать. Вот долгой дружбы с Люськой было жалко, но и это уладилось. Через два месяца Люська прибежала ко мне вся в слезах и первым делом заглянула под кровать. Оказывается наш Володя, как колобок, благополучно укатился и от нее. Мы хором поплакали над несчастной бабьей долей, и дружба была спасена, не прервавшись даже после университета, когда Люська осталась в Москве, а я по распределению приехала сюда, в город, откуда по иронии судьбы был родом мой вероломный супруг и где до сих пор жила его мать, моя бывшая свекровь. С ней мы, между прочим, тоже остались в самых добрых отношениях, а в Маруське жившая одиноко бабушка просто души не чаяла. Та ее тоже любила, а вот Люську ненавидела с недетским пылом. Как-то с год назад, сумев вытянуть из меня эту старую историю, Маруся убеждена теперь, что Люська — подлая предательница: «Не понимаю, мама, как ты ее простила!». Я оправдываюсь неуклюжим: «вырастешь — поймешь», на что дочка презрительно щурит глаза. Совсем как сейчас при упоминании Люськиного имени.

— Ну ладно, оставим Люсю, не твоего ума

еще это дело. А вот как же с Липой? Разве ты ему не доверяешь?

Тут пришла Маруськина очередь смутиться. С Липой они были неразлучны, несмотря на возрастные и половые различия. Липу по-настоящему звали Андреем, это фамилия у него была Липин. Он был на два года старше моей дочери, но после того, как их «взрослой» детсадовской группе поручили шефствовать над младшей, Марусиной, мальчик взял ее под персональный присмотр. Они со своей мамой заходили за ней утром, благо, жили мы на одной лестничной площадке, забирали ее в садик и вечером приводили домой. Андрюша всегда делился с ней всеми лакомствами, не давал никому в обиду, а став постарше, катал на велосипеде вокруг дома. Поначалу меня смущала эта детская любовь, потом я привыкла и даже немного забавлялась, наблюдая, как моя Маруська чисто по-женски умудряется командовать не по возрасту самостоятельным Липой.

Особенно повзрослел он после смерти матери, тихой и кроткой женщины. Перед этим она долго болела, и Липе приходилось заниматься совсем не детскими и не мужскими делами. Он ходил по магазинам, убирал квартиру, готовил, решительно отклоняя все мои попытки помочь. «И не уговаривай его, — слабым голосом, но с гордостью

говорила Наташа. — Он ужасно упрямый. Весь в отца».

При этом она переводила обожающий взгляд на стену, где в рамочке висела свадебная фотография: выглядевшая совершенной девочкой Наташа и ее жених, надо признать, довольно красивый парень действительно с упрямым лицом. Парень, превратившийся в Липиного папу, между тем все время проводил на работе и в командировках, что было неудивительно, потому что он служил в милиции и имел майорский чин. Он был настолько занят службой, что мы с ним так толком и не познакомились, и я никак не могла запомнить, Егор его зовут, Игнат или Илья. Что-то такое исконно русское. Больше я о нем ничего не знала, хотя мы вежливо кивали друг другу при редких встречах в подъезде.

С год назад Липа сообщил, что его папа покинул службу, и у него теперь какое-то «дело». Дело, видимо, требовало еще большего времени, чем милицейские хлопоты, потому что двенадцатилетний Липа жил теперь, можно сказать, один. Однако за папу заступался каждый раз, когда я позволяла себе неодобрительно отозваться о странной работе, мешающей отцу позаботиться о ребенке. «Он заботится, — отвечал мне Липа. — И работа у него хорошая. А я уже большой». В общем-то, до Липиного папы мне не было никакого

дела, тем более, что мальчик все чаще соглашался поужинать с нами, а по выходным и пообедать, и вообще почти все время торчал у нас, что заметно отразилось на Марусиных отметках по математике. Я была довольна и в конце концов оставила его папу в покое.

Кстати, папа, расставшись с мундиром, потерял большую часть своей привлекательности. В последнее время, как ни редко и мельком я его видела, в глаза бросалось, что он плохо выбрит, неряшливо одет и, кажется, даже под хмельком. Во всяком случае, с месяц назад, поздоровавшись со мной на лестнице, он неожиданно качнулся, и пришлось буквально отталкивать его от себя. В этот момент мне стало так жаль осиротевшего Липу, на которого плевать хочет родной отец, что я нарочно со всей силы наступила папе на ногу острым каблуком. Видимо, удачно, потому что папа немедленно принял строго вертикальное положение...

— Да, Липа мой друг, — с вызовом ответила Маруся. — Но он настоящий друг, не то, что твоя Люся. А когда настоящий, все можно рассказывать. И еще он умный.

Подумав немного, она добавила:

— И мужа он у меня никогда не уведет.

— Да я же не спорю, глупенькая. Я, может, к нему даже лучше отношусь, чем ты. Но все-таки,

раз уж мы договорились о долларах никому не говорить, то ты уж потерпи, пока мы водителя не найдем. Ладно?

Маруся кивнула и через минуту крепко спала. А я, взглянув на часы, подумала, что черт с ней, с этой стиркой, завтра! Тем более, что оно наступило. А через четверть часа, стеля себе на диванчике, вдруг поняла, что не может левак из потрепанных «Жигулей» быть хозяином этого рюкзака! И вообще, такие деньги в куче явно дачных, хозяйственных узлов не перевозятся, а если перевозятся, то попутчики-свидетели в таком случае не подбираются прямо с дороги. И еще я поняла, что одну-то ошибку в этот вечер точно допустила. Неизвестно только, когда: не позвонив в милицию или не посоветовавшись с Игорем. И как бы мне не пришлось за эту ошибку расплачиваться. Потому что моя умная дочка права, «они» нас действительно найдут. Но вполне может быть, что «их» опередит родная милиция, и, пожалуй, будет затруднительно объяснить, что доллары спрятаны на антресоли исключительно из соображений их сохранности для законного владельца.

Глава третья

Все следующее утро прошло в муках выбора. Звонить или не звонить? А если звонить, то куда?

Маруся согласилась с моими сомнениями насчет водителя, но ничего толкового я от нее не дождалась, кроме предложения на время, «пока нас не нашли», перейти жить к бабушке. Но бедную старушку можно было таким нашествием перепугать насмерть, кроме того, я вдруг обрела уверенность, что нам с Марусей ничего не грозит, даже если «Они» нас найдут. По логике, «они» должны нам еще и спасибо сказать!. Через некоторое время я засомневалась, что услышу!спасибо». Еще через пять минут я вздрогнула от предположения, что вот пока мы тут рассуждаем, неизвестные «они» уже вышли на охоту. Стало неудобно и тоскливо. В общем, к тому времени, когда я отправила Марусю в школу с большим пластиковым пакетом, куда влезли и учебники-тетрадки, и белые тапочки со старым купальником, и строго-настрого наказала ей ехать после школы ко мне в редакцию, откуда мы вместе отправимся на соревнования, я так и не решила вопрос с телефоном и не позвонила никому.

На работе сразу началась обычная круговерть. Как водится, с вариантами. Чуть-чуть припоздав на планерку, я застала всю компанию в тот момент, когда бурно обсуждался какой-то Мишин материал. Причем обсуждался в атмосфере непривычной общей доброжелательности и согласия. Даже всегда суровая, горящаяся резкостью (пardon,

объективностью!) оценок Татьяна, отпугивающая самых настырных коммунальных жалобщиков — а известно, что хронически протекающий унитаз, от замены которого отказывается ЖЭУ, может превратить самого кроткого жильца в свирепого зверя — так даже эта Татьяна снисходительно произнесла, что все «подано со знанием дела, уважительно, но без подхалимства и угодничества перед сильными мира сего», в каковых пороках недоброжелатели подозревают нашу газету. По поводу данного замечательного материала даже так называемая свободная пресса, особенно якобы передовая компьютерная газетенка, нахально расположившаяся в подвале здания напротив Дома Печати и хвастающая своей независимостью (а гонорары у них просто курам на смех!), ничего сказать не сможет. В статье все достойно, не укусишь, а это значит, что есть еще перья в редакции! Остальные были еще более щедры в признании блестящих журналистских качеств коллеги и на вопрос редактора «Так что же, вешаем на доску лучших материалов?» все дружно закивали.

Мишка сиял, а я придвинула сегодняшний номер, который уже отложил в сторону вчерашний выпускающий. Первые же строчки заставили меня насторожиться, потому что шедевр начинался так: «Все было в нашей стране, даже путч. Но рыночных

финансистов не было никогда. И вот теперь они есть. Такие, например, как президент инвестиционной компании «Сатурн», которую смело можно назвать маяком этого вида бизнеса».

Инвестиционная компания «Сатурн» — это и есть то самое сборище местного производства «экономистов», которых Игорь и я подозревали в искусном обмане доверчивого обывателя. Пронырам из «Сатурна» каким-то образом удалось заручиться поддержкой не только местного руководства, но и прославившихся на всю страну финансовых дельцов. Одна из таких знаменитостей побывала на пышной презентации компании и во время краткой, но чрезвычайно эмоциональной речи заверила собравшихся, что теперь-то уж хозяйственное процветание региона обеспечено. Надежные и честные руки подхватили прерванную было эстафету российского предпринимательства, для которого, как известно, честь — превыше всего!

Любопытно, что этот же самый тип успешно уклонялся от всех моих попыток получить у него интервью, и когда я все-таки настигла его в аэропорту, смотрел тоскливо, говорил нудно и встрепенулся только при вопросе «Каких вы предпочитаете женщин?». Финансовое светило мечтательно закатило глаза и произнесло: «Фламандская школа. Вот тут чтобы было и тут...».

Руками оно изображало такие объемные женские формы, что я подивилась, как же оно с ними управляется. Физические данные светила не шли ни в какое сравнение с масштабами интеллекта, а косолапость, похоже, начиналась у него от тазобедренных суставов. «И чтобы блондинка!» — увлеклась темой заезжая знаменитость, окинув меня насмешливым взглядом. Я грустно вздохнула. Невысокая, нетолстая шатенка, какое уж тут для меня интервью!

Но дело не в светиле. Просто компания на липовом уставном капитале выпустила липовые акции, за которые намеревается получить не липовые денежки. И немалые, даже несмотря на то, что в стране дикая инфляция и что рубли — деревянные. «Не то, что доллары у меня на антресолях!» — промелькнуло в голове. Но только промелькнуло, потому что разволновалась я страшно.

— Позвольте, — начала я, приподнимаясь с газетой в руке. — То, что делает «Сатурн», это афера! Вы же читали мой материал, Виктор Сергеевич! Какую бы архиглупость в нем вы ни усмотрели, но правовая часть доказательна и неоспорима. Их зарегистрировали без внесения половины уставного фонда. А они заявили в нем имущество, владельцами которого не являются! Порт, например. Это федеральная собственность!

Акции ничем не обеспечены! Вы подумайте, в каком положении окажется газета, когда за этих «маяков» возьмется прокуратура?

— Планерка окончена, Смородина! — редактор покраснел. К сожалению, не от стыда. — И я уже тебе сказал, что твое произведение мы обсуждать не будем! А вот твое поведение придется. Ты опять опоздала! Задержись-ка.

Когда коллеги, неприветливо косясь на меня, покинули просторный кабинет, редактор мрачно спросил:

— Ты почему вчера не пошла на презентацию?

— Вы мне сами разрешили.

— Ничего я не разрешал, потому что ты ничего и не спрашивала. А что ты там мне в спину кричала, это дочке дома расскажи. Задание дано? Ты его выполнила? Нет? Знаешь, что это основание для дисциплинарного взыскания? Вот и хорошо, что знаешь. Даю тебе последний шанс. Сейчас «Друг» пришлет машину. Поедешь, задашь пару вопросов. Снимки они тебе свои дадут. Сделаешь репортаж в номер.

Я быстренько прикинула, что на машине я в общем-то успеваю туда-сюда и даже набросаю текст до прихода Маруси.

— Ладно. Какая у них машина? Я спущусь вниз, чтобы не терять времени.

— Машина у них «Мерседес», цвет «коррида», — со значением в голосе проинформировал шеф.

Я с невольным удовлетворением представила, как прокачусь на роскошном авто цвета крови свежееубитого быка (или тореадора?), и едва подойдя к стеклянной двери вестибюля, увидела, что мечта близка к воплощению. Прямо у входа стояла приметившаяся мне вчера машина, а рядом прохаживался бровастый незнакомец из редакторского кабинета с писклявым голосом. По-прежнему недобрый взглядом он буравил всех выходящих из Дома печати, и я инстинктивно отпрянула от прозрачного стекла.

Что-то случилось со мной со вчерашнего вечера. Что ни говори, а деньги имеют власть над людскими душами. Во всяком случае, меня они за одну ночь превратили в очень недоверчивую особу. Я всем нутром чувствовала, что никуда мне с ним ехать не следует. Сразу вспомнилось, как он вчера спрашивал обо мне редактора, и сейчас это показалось мне чрезвычайно подозрительным. Пусть будет дисциплинарное взыскание. В конце концов, я с таким же успехом задам ему эту пару вопросов по телефону. Пятясь на цыпочках, спиной натываясь на снующий в вестибюле народ, я пешком поднялась на свой шестой этаж. Никто меня не видел, и, запираясь на ключ, я облечено

перевела дух. Телефон зазвонил минут через двадцать и трещал с небольшими интервалами часов до трех. Раза два кто-то подходил к двери, стучал и молча крутил ручку. Конечно, это не обязательно был редактор или «Друг», но я трубку не брала и на возню с дверью не реагировала. И сама звонить передумала, даже не пытаюсь разобраться, почему так таюсь. И когда пришла Маруся, мы так же крадучись спустились по лестнице и на всякий случай пошли на дальнюю трамвайную остановку. Маруся, взволнованная предстоящим испытанием, даже не спросила, зачем нам такие предосторожности.

Со снаряжением Карина все устроила, проворчав, правда, при этом, что у нее достаточно других забот «в такой день», чтобы еще добывать то, что настоящими спортсменами должно храниться, как самое дорогое сокровище. Всякие Маши-растеряши и их непутевые мамочки этого не понимают, но Карина знает, как привести их в чувство! Она прервала свое брюзжание неожиданным вопросом:

— Ну как, Вера Николаевна, нашел вас несчастный поклонник?

— Какой еще поклонник и почему несчастный? — удивилась я.

— А счастливый знал бы и ваше имя, и ваш адрес. А этот — только то, что вы очень

симпатичная и дочку зовут Маруся.

— Я не знаю, о ком вы говорите, Карина. Но вообще-то нехорошо каким-то неизвестным людям давать сведения....

— Так вы давайте сами, — расхохоталась Карина. А то флиртуете, заманиваете и бросаете кавалеров. А им хочется продолжить знакомство с такой интересной дамой. Правда, если бы вы в детстве занимались гимнастикой, вашей фигуре это сейчас не повредило!

Ну что поделаешь, никому моя фигура не нравится! Но кто же этот поклонник? И тут я обрадовалась, что Маруся уже пошла переодеваться. Не успела я умом понять, что означает сообщенная Кариной новость о жертве моего флирта, как сердце откликнулось на нее внезапным бешеным биением. И все время, пока шли выступления, я лихорадочно соображала, как бы нам с Марусей незаметно выбраться отсюда и добраться до единственной нашей родственницы, — Марусиной бабушки. В том, что выяснив адрес и место работы, хозяин долларов — разыскивать меня, зная только Марусино имя, мог только он — (значит, все-таки водитель «Жигулей» сопоставил дочкин спортивный инвентарь и место, где он нас подобрал), даже не попытался пообщаться со мной, было что-то непонятное и пугающее. Правда, чуть погодя, когда соревнования уже закончились, я

подумала, что бояться, в общем-то, нечего. Получив адрес, валютчики должны были немедленно ринуться ко мне домой, взломать замок, устроить большой шмон, забрать рюкзак, пересчитать свои денежки и быстренько свалить. И никогда не пытаться встретиться со мной, даже ради того, чтобы сказать сердечное спасибо. Зачем им свидетели? Логично?

К тому времени, как судьи объявили результаты, и Маруся, чрезвычайно гордая без малого чистой «десяткой» за вольные, оделась, я почти сумела уговорить себя, что все в порядке и беспокоиться нечего.

Я сильно ошибалась. Это стало ясно, как только мы вышли из спортзала. Как-то незаметно очутившаяся рядом парочка крепких юнцов быстро оттерла нас от компании Марусиных подружек и их мам, и, крепко хватив меня за правую, а Марусю за левую руку, чуть не поднесли к стоящему в сторонке, там, где уже сгустились под каштанами вечерние тени, «Мерседесу». «Цвет «коррида», — машинально отметила я про себя, когда мы проехали под ярко освещенными окнами спортзала, и свет упал на капот машины.

Похищение происходило в полном молчании, чего, видно, и добивались эти затянутые в кожу мальчишки, первым делом ухитрившиеся больно ткнуть меня в бок чем-то таким острым, что это мог

быть только нож. Марусе они прошипели: «Пикнешь, рядом с мамочкой закопаем!». Маруся не пикнула ни разу, только очень крепко держала меня за руку. Так что никто за нас не заступился и не отбил у бандитов. Правда, на секунду мне показалось, что какое-то странное движение сделал к нам стоящий справа от входа в спортзал симпатичный коренастый паренек, тоже в кожаной куртке. Но только показалось, потому что он тут же отвернулся и быстро зашагал в сторону.

И только спустя четверть часа, когда мы свернули на совершенно мне незнакомую, темную, без единого фонаря, пустынную улицу, застроенную частными домами, я спросила:

— Куда вы нас везете?

Ответил тот, что сидел рядом со мной. Я уже успела отметить, что он не так уж юн, как показалось вначале, и очень красив той мужественной красотой, которой завоевывают женские сердца положительные герои голливудских боевиков. Я заметила, что и Маруся поглядывает на него с явным интересом. Правда, лично я предпочла бы в этих четких правильных чертах чуть-чуть больше жизни и доброты, но мне на мужчин вообще не везет. А сказал похититель нечто совсем неожиданное:

— Туда мы вас везем, девушки, где вас с большим нетерпением ждут. Фирма «Друг»

называется. Слыхали?

Стараясь не думать о том, что имидж солидной фирмы, популярности которой так старается порадовать наш редактор, как-то не стыкуется с холодным оружием, которым тычут в бока беззащитных гражданок ее сотрудники, и, все так же не выпуская Марусиной руки, я выбралась из машины.

— Пошли, девушки, — слегка подтолкнул меня общительный красавчик.

Обретя на свежем воздухе возможность разговаривать, они с напарником стали гораздо миролюбивее и даже подсказывали, куда поворачивать на невидимой тропике между какими-то кустами, грядками и низенькими строениями. Тьма не нарушалась ни единым огоньком, пока мы неожиданно не вынырнули перед ярко освещенным особнячком. «Какой красивый!» — ахнула Маруся.

Домик действительно был как игрушечный, с балкончиком на втором этаже, ставеньками на первом и веселым резным крылечком. Входная дверь открывалась прямо в небольшой ресторанный зал с десятком деревянных столиков, окруженных широкими скамьями. Было очень чистенько и уютно. Откуда-то сбоку доносились приятные кухонные запахи, но здесь мы, к сожалению, не задержались, и, быстрым шагом пройдя зальчик,

потом такой же симпатичный холл с велюровым угловым диваном и стеклянным столиком, оказались в в просторном и явно конторском помещении, обставленном просто, строго и со вкусом: компьютер на специальном столике, на таком же чуть поодаль — ксерокс, у окна — удобный письменный стол с тремя телефонными аппаратами и факсом, у стены — огромный аквариум с подсветкой. Ковер на весь пол и повсюду очаровательные искусственные цветы, которыми буквально наводнило наш город одно российско-бельгийское СП, от генерального директора которого я недавно получила беседу на двести строк и яркую икебану из лиловых ирисов и непонятных веточек. Мы с Марусей долго пристраивали ее по квартире, переноса из кухни в комнату, оттуда в прихожую, попробовали даже в ванную, где она в одночасье и осыпалась, когда я нечаянно угодила струей душа прямо в гущу роскошных ирисов.

Короче, мы попали не то чтобы в навороченный офис, но что-то около этого. К сожалению, все это великолепие портил хозяин, чуть привставший при нашем появлении из-за стола. Правда, никого другого я здесь и не ожидала увидеть. Бровастый незнакомец из редакторского кабинета, оказавшийся при ближайшем рассмотрении упитанным и ухоженным

джентльменом лет пятидесяти, все тем же бабьим голосом воскликнул:

— Ну, до чего же я рад вас видеть, Вера Николаевна! И еще с такой прелестной дочкой! Ну, каковы успехи юных гимнасток?

— Мне приятно ваше внимание к нашим успехам, но, согласитесь, методы знакомства...

— Согласен, дорогая Вера Николаевна, тысячу раз согласен! Самому не нравится. Но что же мне оставалось? Я ждал вас вчера вечером, ждал сегодня утром. Поверьте, если бы не крайняя нужда, не стал бы настаивать. Но мне необходимо с вами поговорить, а вы от меня, извините, как капризная барышня, запираетесь. А у меня обстоятельства, понимаете, ли, откладывать нельзя.

— Господи, ну какие могут быть обстоятельства, чтобы хватать, угрожать ножом, тащить в машину женщину с ребенком? Ну, появится репортаж о вашей презентации днем позже, это же не катастрофа. Тем более что снимки у вас есть, так что побеседуем, и никаких проблем. Только давайте поскорее, уже поздно, а у дочки был тяжелый день...

— Угрожали? Ножом? Это что за самодеятельность? — бровастый, проигнорировав мою профессиональную активность, нахмурился и поверх наших с Марусей голов бросил грозный взгляд на кожаных мальчиков.

Те засопели, зашаркали ногами, но ничего не ответили.

— Они будут наказаны, Вера Николаевна, — с чувством заверил меня бровастый. — Не сомневайтесь. Им было приказано единственно привезти вас сюда. И не беспокойтесь, они же вас с дочкой домой и доставят. В лучшем виде... как только мы с вами разрешим маленькое недоразумение. К репортажу это не имеет никакого отношения. Уверяю вас, мне не так уж нужна реклама. Тем более что презентации никакой и не было. Она состоялась два месяца назад.

— Но... тогда я не понимаю... А редактор что же, не знал этого? Хотя мне на вашу презентацию в общем-то наплевать, была, не была. Но что это за парижские тайны такие? Мы с вами в первый раз видимся, не знакомы, какие могут быть недоразумения? Я даже не знаю, как вас зовут.

— Зовут меня Краснослав Яковлевич Помпеев. Считайте, познакомились. А недоразумение.... Как раз о нем я и собирался с вами побеседовать. Вот только устроимся поудобнее.

С этими словами он кивнул мальчикам, которые распахнув створки то ли бара, то ли просто шкафчика, проворно накрыли на журнальном столике в углу что-то вроде легкого ужина и вышли из комнаты. Один в ту дверь, через которую мы

вошли, а высокий красавчик — открыв стенную панель, которую я поначалу приняла за обычное панно.

— Ну вот, Вера Николаевна, Маша, милости просим, чем, как говорится, богаты... Угощайтесь и не волнуйтесь.

Но я волновалась. Возможно, из-за непонятого ввиду моей скромной персоны деликатесного изобилия. Богат был Краснослав Яковлевич бутербродами с бужениной, креветками, икрой такой и такой, прозрачными ломтиками осетрины, еще чем-то мне незнакомым в круглых деревянных плошках. Я никак не могла понять, что нужно от меня хлебосольному Помпееву, вернее, что может быть ему нужно, раз вопрос с презентацией отпал. И зачем меня обманывал редактор? Но хозяин не стал тянуть резину, и только я щедро намазала на хрустящую булочку красной икры, спросил:

— Вера Николаевна, вы давно виделись с Сиваковой?

— С какой Сиваковой?

— У вас несколько знакомых с такой фамилией?

Старательно порывшись в памяти, я честно ответила:

— Ни одной нет.

Я действительно не знала никакой Сиваковой,

но на лице собеседника явственно читалось недоверие.

— Ну как же, Вера Николаевна, вы же сами пишете, — Краснослав Яковлевич подошел к письменному столу, взял два сколотых листочка и стал читать вслух: «Ни один из этих ответственных руководителей не смог внятно объяснить, чем же фактически обеспечивается их взнос в уставной фонд компании? Далее вы перечисляете Новикова, Пайкина, Трегуба, Сомова и Сивакову. Со всеми этими персонажами, вы, судя, по контексту, беседовали лично. Как же вы можете не знать героев собственного материала, с которыми общались?»

— Но я не писала ни про какую Сивакову!

Это была чистая правда. Я хорошо помнила свой забракованный опус, Краснослав Яковлевич цитировал именно его и в руках держал копию, сделанную с еще не изуродованного красными пометками текста. Поскольку машинистки все печатают только в одном экземпляре, значит, копия была сделана не иначе, как позапрошлой ночью. Сдала я материал ближе к концу дня, а уже вчера утром на возвращенных мне листках красовалась обидная надпись «Архиглупость!» Ерунда какая-то. И зачем вообще понадобилось делать копию? И кому это понадобилось?

— Помпей Яковлев.... — я быстро

поправилась, — Краснослав Яковлевич, не было у меня в материале Сиваковой. Да что же это я, это же легко проверить, — я обрадовано полезла в сумку и торжествующе протянула Помпееву такие же два листочка, только согнутые пополам. — Вот это мне вернул редактор, посмотрите сами.

Помпеев расправил бумагу, пробежал глазами по строчкам и посмотрел на меня с тем же выражением, что и на проявивших самостоятельность мальчиков.

— Вера Николаевна, сейчас не время для шуток!

Поднеся мне прямо к лицу вторую страничку, он ткнул пальцем в середину, и я с ужасом увидела под отполированным широким ногтем фамилию «Сивакова».

Я ничего не понимала. В рукописном тесте, сданном в машбюро, Сиваковой не было и быть не могло. Среди опрошенных мною инвестиционных жуликов не было вообще ни одной женщины.

— Вера Николаевна, поверьте, дело слишком серьезно, чтобы можно было ребячиться. Как же оказалась здесь эта якобы не известная вам фамилия?

Это интересовало и меня. Как и положено, я вычитала текст с машинки и, разумеется, обнаружила бы эту невесть откуда взявшуюся Сивакову. Вообще-то у нас в машбюро всякая

путаница — не редкость, мало ли что бывает, когда печатаешь чуть ли не три материала сразу. Но не было Сиваковой, не было!

— Краснослав Помпее..., ох простите, Краснослав Яковлевич, я могу это объяснить действительно только недоразумением, мне совершенно непонятным. Я не знаю женщины с такой фамилией и никогда эту фамилию ни в одном своем материале не упоминала! Во всяком случае, не помню!

— Ну что ж, придется вспомнить. Я помогу вам. Дело в том, что Сивакова к уважаемым учредителям «Сатурна» отношения не имеет. Вообще никакого. Ольга Олеговна работает рядовым кассиром в коммерческом банке. Мы с ней очень дружны, вы меня понимаете? И вот она пропала. Вчера не вышла на работу. И дома ее нет. Я обеспокоен, тревожусь. Это же естественно, правда? Я ее ищу, звоню знакомым, родственникам. Никто ничего не знает. Поразительно. И вот обнаруживается еще одна знакомая — вы, Вера Николаевна. Конечно, я решаю обратиться и к вам. А вдруг? Но вы прячетесь, от меня, отрицаете знакомство, это же, в конце концов, подозрительно. Я начинаю думать, что вы действительно сможете помочь, если захотите. И вам придется это сделать!

И без того лохматые брови Помпеева еще больше встопорщились, взгляд от этого стал совсем

свирепым. И все-таки, хотя меня и пугал и этот взгляд, и вообще вся странная ситуация, в которой что-то было не так, как и во всем происходящем со вчерашнего дня, мне было его жаль.

— Я бы с удовольствием, Яков Красносл... ох, простите, Краснослав Яковлевич, — забормотала я сочувственно, — но, честное слово, ума не приложу, как ваша знакомая оказалась в этом материале...

У Помпеева побагровело лицо.

— Ну что ж, хотел я с вами по-хорошему, да время поджимает. Так что не обессудьте, сами виноваты...

Он не закончил, потому что начался кошмар. Помпеев протянул руку, чтобы поставить хрустальный стакан с пепси. Маруся прижалась ко мне, а я, приподнимаясь, зачем-то схватила со стола тяжелый пузатый графин явно с алкогольным напитком, и вдруг стакан в руке Помпеева разлетелся на куски со страшным треском. Во все стороны брызнули осколки и остатки коричневой пенистой жидкости. От неожиданности я выпустила графин, он упал обратно на столик и завалился на бок, выпустив на бамбуковую салфетку темно-красную лужицу с приятным винным запахом. Одновременно в ушах у меня еще раз треснуло, а я подумала, что это разбился графин, но он лежал на столе целехонький. Судя по всему,

пострадал только Краснослав Яковлевич. Он медленно стал заваливаться в ту сторону, что и пузатая посудина.

Маруся, схватившись за щеку, по которой стекала тонкая алая струйка, завизжала и потянула меня из-за стола, а я все никак не могла сдвинуться с места, потому что стоя хорошо видела лежащего на полу недавнего собеседника. У него была неловко подвернута нога, а из правого виска маленьким пульсирующим фонтанчиком била кровь.

— Да бежим же, мама! — кричала Маруся, больно дергая меня за руку. — В окно стреляют! Здесь кругом бандиты!

Я, наконец, пришла в себя настолько, чтобы сообразить, как права моя дочь и на этот раз. Действительно, стреляют. Действительно, бандиты. Сначала похищают, потом чуть не зарезали, потом чуть не пристрелили! Нет, надо выбираться из этого логова!

Первым делом я вытерла Марусину щеку и рассмотрела рану. Это был даже не порез, а царапина, наверно, задело осколком стакана. Я успокоилась, и мы кинулись к двери, но она распахнулась сама собой, и на пороге возникла долговязая мужская фигура с наставленным на нас автоматом. «Назад!» — хрипло скомандовала фигура, и мы послушно вернулись к столику.

— Мама, зашептала мне в ухо Маруся, — у меня с собой...

— Не разговаривать! — снова рывкнула фигура и, усевшись напротив нас, для чего ей пришлось отпихнуть ногой тело Краснослава Яковлевича, засунула в рот ту самую хрустящую булочку с икрой, от которой мне так и не довелось откусить.

Так просидели мы минут десять, фигура — чавкая, а мы — трясясь и тесно прижавшись друг к другу. Все это время из-за двери слышалась какая-то невнятная возня, хлопанье, приглушенные возгласы, сквозь которые донесся как будто бы женский голос, а пару раз — отчетливый мат. Наконец дверь распахнулась, и вошел очередной гангстер. Если не знать, что он только что участвовал в вооруженном нападении на фирму «Друг», его можно было принять за вполне приличного и даже интеллигентного человека. Молодой стройный парень, естественно, в кожаной куртке, оглядел нас насмешливыми серыми глазами, задержал взгляд на Марусе, усмехнулся и сказал:

— Ну что, Мария Владимировна, давай меняться. Ты мне — мой рюкзак, я тебе — твой.

Глава четвертая

Мы с Марусей переглянулись, и, совершенно не ожидавшая такого поворота, я растерянно пробормотала:

— А мы вас целый день ждем...

— А мы вас целый день ищем, — любезно отозвался интеллигентный бандит и, обернувшись к дверям, позвал: — Ольга!

Вошедшая женщина самым отрядным образом отличалась от всех этих одинаково экипированных в кожу субъектов. Невысокая, ладненькая, в светлом элегантном костюме и лодочках в тон, она небрежно волочила за оранжевую лямку наш родной рюкзак, из которого торчали отполированные ручки деревянных булав. Маруся ойкнула, а дама, передав эту резко дисгармонирующую с ее женственно-деловым обликом поклажу главарю, окинула внимательным взглядом сначала нас, потом всю комнату. Я тоже следила за ней, пораженная совпадением имени женщины, о которой спрашивал только ставший покойником Помпей... тьфу ты, никак не сладить с этим именем, Краснослав Яковлевич, и этой, судя по всему, подруги убивших его бандитов. Когда взгляд Ольги упал на стенную панель, которая на самом деле была замаскированной дверью, мне показалось, что в лице у нее что-то дрогнуло, но, наверное, только показалось, потому что она сразу же перевела бесстрастный взгляд на парня.

— Вот видишь, девочка, — обращаясь исключительно к Марусе, продолжил тот. — В целостности и сохранности твое добро. Надеюсь наше — тоже?

— Все в целостности? — недоверчиво переспросил Маруся, косясь почему-то на Ольгу.

— Все, все, не сомневайся. Нам чужого не надо. Да вот, пожалуйста, сама проверь, — главарь предупредительно подал ей рюкзак.

Маруся расстегнула замок, вынула булавы, мяч, совершенно измятую ленту, старые тапочки и, подняв голову, возмущенно спросила:

— А купальник?

Парень растерянно повернулся к Ольге и неожиданно расสวิрепел, сразу утратив всю интеллигентность.

— Кретины, другой тряпки не нашли? — непонятно заорал он на сообщницу.

— Да плевать на купальник, Ленчик, — ничуть не испугавшись, спокойно, даже лениво сказала Ольга, — ты вон с ними разбирайся.

— Я со всеми вами разберусь, — угрожающе протянул Ленчик. — Ну вы, — это он обращался уже к нам, явно сменив милость на гнев. — Где доллары? Не советую врать, а то купальник уже никогда не понадобится!

— Да дома они, ваши доллары! — закричала я. — Дома у нас, на антресолях, в мешке с зимними

вещами! Давайте поедем, забирайте наконец ваши деньги! Думаете, нам они нужны, и вообще, если они ваши, внимательнее надо быть с такой суммой!

— С какой? — резко спросил Ленчик. — С какой суммой?

— Да не знаю я, не считала, мне это не интересно, мне интересно, чтобы этот цирк с трупами и стрельбой кончился!

— Та-а-ак, — задумчиво протянул Ленчик. — Не считали. Не нужны. Лежат себе на антресолях рядом с вашими тряпками. Так?

Я согласно кивнула.

— А пальто у тебя рыжее с норкой? А у девки стеганое голубое? — Это встряла в разговор Ольга.

— Да, — удивилась я. — А откуда вы знаете?

— А оттуда, что были мы на твоей вшивой хате! И все там перерыли, и антресоли твои поганые тоже! И мешок с барахлом вытряхнули, нет там долларов! — завопила она. — Говори, паскуда, куда спрятала! А то будет тебе такой цирк, не обрадуешься!

Меня так поразило это известие, что я пропустила мимо ушей оскорбления.

— Может, вы плохо посмотрели, — растерянно предположила я. — Там все так набито, может рюкзак как-то из мешка вывалился, а вы не заметили, там же куртки, рейтузы, свитера, шарфы... — Скорее для себя, чем для

бандюг-валютчиков, я пыталась найти объяснение очередной загадке. Я же собственными руками заталкивала этот проклятый рюкзак в мешок! Потом стала на табуретку, а Маруся, пыхтя от напряжения, подала его мне, и еще не сразу удалось закрыть дверцу, все выпирали растопыренные деньгами пластиковые бока. — Варежки еще...

— Вы же, наверное, спешили! — торопливо добавила Маруся.

— Не было ничего, кроме вашего тряпья! — снова закричала Ольга, но Ленчик коротко взглянув на нее, приказал:

— Позови ребят!

— Среди ввалившейся в комнату компании одного я узнала: это был тот самый молодой человек, которого я заметила возле спортивного зала, когда «Друг» брал нас с Марусей.

— С этими, — Ленчик кивнул на дверь, — порядок?

— Порядок, шеф, бодро рапортовали «ребята». — Пятерых повязали. С двоими пришлось повозиться, теперь смирные.

— А Длинный?

— Длинного не было, шеф.

— Как не было?! — заволновался Ленчик. — Он же их (кивок в нашу сторону) сюда привез! Куда же он, мразь, подевался?

— Хрен его знает, а только не было тут

Длинного, — стояли на своем «ребята».

— Не было, не было, Ленчик, — как-то суетливо добавила и Ольга, — я тут все осмотрела.

— Ладно, разберемся. А теперь, Харя, бери двоих и дуй по одному адресу, Ольга скажет, куда. Всю кофлу сволоките в подсобку, этого тоже, — Ленчик брезгливо ткнул равнодушного ко всему Краснослава Яковлевича носком шнурованного хагена.

Харей оказался тот самый симпатичный паренек, и мне даже стало за него обидно, — при такой приятной внешности и такая противная кличка! К тому же, я испытывала к нему благодарность. Совершенно неизвестно, что бы сделал с нами мертвый теперь хозяин этого дома, не подоспей «ребята» Ленчика, которых привел, конечно, Харя. Ясно же, что у спортзала он за нами следил. К тому же, мне показалось, что Харя поглядывает на нас с Марусей с затаенным сочувствием.

К сожалению, остаться нам пришлось с Ленчиком, потому что кожаная троица во главе с симпатичный Харей дисциплинированно покинула комнату, и почти сразу за окнами заурчал мотор. Правда, главарю тоже не сиделось на месте.

— Ольга, остаешься с ними, а я смотаюсь тут недалеко, по одному делу надо договориться. Двоих я поставлю на улице, ставни закроем, а ты запри их

тут и от двери не отходи. Я потом Харю перехвачу, вернемся вместе.

— Ладно, — хмуро буркнула Ольга.

У нее был очень недовольный вид, но случайно поймав взгляд женщины, я поняла, что она притворяется. В глазах светилась плохо скрытая радость. И что-то еще такое, от чего по спине пробежали мурашки. В общем, с Ольгой оставаться хотелось еще меньше, чем с Ленчиком, но вряд ли он согласился бы взять нас с собой.

Когда Ленчик вышел, и со двора донесся шум мотора, стало ясно, что дурное предчувствие меня не обмануло. Ольга торопливо подошла к панельной двери, открыла ее, заглянула внутрь и, как мне показалось, что-то прошептала.

— Она предательница, — с презрением в голосе тихо сказала мне на ухо Маруся. — Двойной агент.

— С чего ты взяла? — заинтересовалась я.

— А про дверь она почему Ленчику не сказала? И вообще... — Но тут Маруся замолчала, потому что Ольга направилась к нам.

Недобро усмехаясь, она переводила взгляд с меня на Марусю и обратно. Мне стало жутко и, стараясь как-то разрядить обстановку, я спросила:

— Ваша фамилия случайно не Сивакова?

Ольга насмешливо кивнула.

— А вот Краснослав Яковлевич очень

беспокоился, говорил, вы куда-то пропали...

— Ну, теперь он ничего не говорит и ни о чем не беспокоится. А вот тебе стоит подумать, на что нарываешься, идиотка. Нет ведь у тебя дома никакого рюкзака, сама знаешь. Ленчика обкрутила, а мне сейчас все расскажешь. Все!

Голос принимал истерические нотки, но и во мне поднималось раздражение.

— Рюкзак там, где сказано. — Я и сама удивилась, как твердо звучал мой голос. — А задуматься следует вам, Ольга Олеговна. Связались с бандитами и думаете, вам все с рук сойдет? И убийство?

Но Ольга не слушала. Она постучала в окно и, когда с улицы крикнули «Ну чего там? приказала: «Оба сюда!»

Эти двое были еще той парочкой! Настоящие громилы с виду, особенно один, с дебильной ухмылкой на широкой и уже загорелой роже. При взгляде на него мне почему-то сразу вспомнился собственный материал про безобразия на городском кладбище. Маруся же опять ойкнула, похоже, у нее выработался рефлекс на каждое новое действующее лицо.

— Тащите сюда этого, с купальником! — велела им Ольга.

— Шеф ничего не говорил, — засомневалась парочка, но женщина угрожающе топнула ножкой в

изящной туфельке, и громили, толкаясь в дверях, поспешили исполнять.

Через минуту они появились снова, но теперь между ними, склонив голову набок и волоча ноги, висел третий. Человек был явно без сознания. Ольга подскочила к нему и, схватив за волосы, подняла голову так, что мы с Марусей увидели избитое в кровь лицо, на котором вместо глаз были щелочки, окруженные вздутой синевой. Из рта свешивалась какая-то темная тряпка. Я узнала его сразу, и по тому, как дернулась и еще раз ойкнула Маруся, поняла, что она тоже. Это был надувший нас вчера водитель «Жигулей».

— Признали? — Ольга злобно глядела на нас. — А теперь посмотрим, признает ли вас он.

Она взяла с сервированного для нас с Марусей журнального столика открытую бутылку с пепси и выплеснула содержимое в изуродованное лицо пленника. Он застонал, замотал головой, которая все так же безвольно свешивалась вниз. Ольга снова схватила его за волосы, выдернула и отшвырнула в сторону кляп. Если бы я не перехватила ее рукой, тряпка угодила бы мне прямо в лицо. Несмотря на то, что она была вся изжевана, я узнала рукав от Марусиного «торжественного» купальника. Только белый кружевной манжет превратился в красный. Мы с Марусей в ужасе переглянулись.

А Ольга продолжала орать:

— Погляди хорошенько, сволочь, это они? Их ты подвозил вчера?

Водитель с трудом разлепил один глаз и что-то промычал.

— Разборчиво, паскуда! Смотри, смотри хорошенько! — рявкнула Ольга.

— Это... не... они... — прошамкал водитель.

Я видела, что говорить ему больно. На губах запузырилась розовая пена.

— Как не они?! Смотри лучше, гад! — Ольга изо всей силы пнула пленника в пах.

Он закрыл глаза и обвис на руках у бандитов, успев все-таки еле слышно, но упрямо произнести: «Не они».

— Да мы это, мы! — закричала вдруг Маруся, срываясь с места. — Вы что, не узнали нас, дяденька? И вы тоже знаете, что это мы! — она повернулась к Ольге. — Зачем вы его мучаете? Предательница! Думаете, я вас не узнала?

«Господи, что она несет?!», подумала я, кидаясь к Марусе и оттаскивая в тот момент, когда Ольга, судя по поднятой руке, собиралась ее ударить. Удар пришелся по склоненной голове водителя, от чего тот внезапно очнулся и прохрипел, бессмысленно глядя в нашу сторону:

— Дуры... замордуют... они... вас...

Отскочив назад и затолкав Марусю за спину, я

закричала на Ольгу с такой же яростью, с какой она на водителя:

— Я Ленчику все расскажу, дрянь! И про дверь эту! Если хоть пальцем тронешь мою дочь, я тебе горло перегрызу!

Ольга чуть опешила от неожиданности, потом зло расхохоталась, а я запнулась, подыскивая какое-нибудь особенно обидное бранное слово, но ничего кроме «кассирша!» в голову не приходило. Но как раз это и подействовало. Ольга обиделась:

— Ишь, заговорила! Я, к твоему сведению, не кассирша, а оператор! И твою девку трогать не собиралась, больно надо пачкаться. На это у нас другие люди есть. Специалисты, — она кивнула на дебила, который с нескрываемым любопытством наблюдал за происходящим. — Вот, Квач, к примеру. Ты не смотри, что он такой простой с виду. Работает — залюбуешься, а нежный до чего! Особенно любит шоферню и маленьких девочек. Знаешь, что он с твоей спортсменкой сделает? А если я очень попрошу, и на тебя хватит. Ленчику она расскажет! Напугала! Кому вы что, дохлые, скажете? А живыми останетесь, только если баксы мне отдадите. Идите, мальчики, — обратилась она к громилам. — Дадим ей подумать, чего больше хочется, — подыхать или жить. Как решит, так и будет. Ты, Квач, готовься!

Недоразвитый Квач, который, подхватив

водителя, с разочарованным видом плелся к двери, оживился, признательно глянул на Ольгу, заговорщицки подмигнул нам с Марусей и сказал «Ку-ку».

— Дурак какой-то! — презрительно буркнула Маруся, и Квач, наверное, услышал, потому что нахмурился и совсем по-мальчишески погрозил ей кулаком. Школярский жест в сочетании с губастым слюнявым ртом и гориллоподобной фигурой производил жуткое впечатление.

Как только за бандюгами закрылась дверь, Сивакова подскочила ко мне и бешеным шепотом выдохнула в лицо:

— Последний раз спрашиваю, где баксы, гадина?

Глаза у нее были совершенно сумасшедшие, и мне стало очень страшно. Рука, которой я крепко держала Марусю за плечо, вспотела, и я вытерла ладонь об юбку. Ну что я могу поделать, если эти проклятые доллары действительно у меня дома! Поэтому я, с ненавистью глядя прямо в дикие глаза, тоже шепотом ответила:

— Они в рюкзаке. Рюкзак в мешке. Мешок на антресоли. Антресоли у меня в комнате. Комната в моей квартире. Адрес знаешь? Или повторить для придурков? Дошло, наконец, кассирша?

Наступила зловещая пауза. Ольга с минуту молча смотрела на меня, видимо, что-то соображая.

И совершенно неожиданно предложила:

— Ладно, надоели. Сматывайтесь.

Я тупо уставилась на нее:

— Как это «сматывайтесь»?

— Очень просто. Ножками.

Ольга подошла к нормальной двери, прислушалась, потом двинулась к замаскированному под панель выходу. Ничего не понимая, я заворожено следила за ней и не сразу разобрала то, что тихо шептала мне в ухо Маруся: «Мама, у меня в сумке пистолет». А когда до меня дошел невероятный смысл этих слов, удивляться было поздно. Ольга уже схватила меня за плечо и подталкивала к фальшивому панно.

— Давай, давай! Ну, нет у тебя баксов, чего ж теперь.... Да и девку твою жалко, задыхаясь, приговаривала она. — Квача, если разойдется, даже Ленчик не остановит. Ты же видишь, он тронутый. Бегите через этот ход. Живее же! На дорогу не выходите, наши заметут.

Конечно, все это выглядело очень подозрительно, но времени на размышления не оставалось. К тому же, за панно действительно был ход, по которому скрылся недавно Длинный, а иначе куда же он делся? Значит, шанс у нас с Марусей есть. А Ольга уже открыла дверь и втокнула нас в тесную комнату без окон, которую освещала тусклая голая лампочка на потолке. В

двух шагах была еще одна, открытая, дверь, за которой начинался узкий коридор. «Только бы успеть до Ленчика, только бы успеть!» — вертелось в голове.

Не думая больше ни о чем, я потащила Марусю в коридор, но тут меня кто-то схватил за плечо и со страшной силой отбросил назад. Ударилась я, наверное, о дверь, потому что услышала сухой щелчок английского замка. В глазах на секунду потемнело, а когда мрак рассеялся, я обнаружила, что сижу на полу, а Маруся отчаянно верещит в руках у Длинного, который, оказывается, и не думал никуда бежать.

— Вас же здесь не должно быть! — в отчаянии воскликнула я. — Нет, наверное, уже никто никогда не отучит меня говорить глупости!

Глава пятая

— Это тебя, сука в тапках, здесь не должно быть!

Я обиженно глянула на свои, пусть и не такие элегантные, как у кассирши Сиваковой, но очень и очень приличные туфли. Назвать их тапками! А длинный, нехорошо кривя красивый вандаммовский рот, продолжил:

— Везде успела, все попортила, всем нагадила! Но я с тобой долго валандаться не буду,

хотя стоило бы заняться всерьез. Слушай сюда: или ты мне сейчас выкладываешь, где доллары, или я твоей гимнастке головку скручу. Я не Ольга, цацкаться с вами не буду. Смотри, что делаю!

Самое страшное, что Длинный казался совершенно спокойным, и в бархатных глазах его не было ни паники, ни истерики, как у Ольги. Я поняла, что все это «бегство» подстроила она, и, конечно же, она прекрасно знала, что Длинный здесь. Не сама с собой, а с ним она разговаривала, когда первый раз заглянула сюда! И еще я поняла, что все предыдущее было мелочью по сравнению с тем, что задумал этот подонок. Он медленно и неловко, потому что одной рукой приходилось держать извивающуюся Марусю, стягивал с себя кожаную куртку, и я уже знала, что сейчас он накинет ее моей дочке на голову, и через несколько минут она просто задохнется.

Сейчас не вспомнить, какие именно чувства я в тот момент испытывала, но самым сильным была удушливая злоба. Эта скотина, этот верзила-бандит посмел тронуть мою Марусю, мою девочку, единственное, что у меня есть в жизни, и единственное, что я люблю! И он думает, что я позволю ему убить ее на моих глазах?! Прорывчав что-то нечленораздельное, я кинулась на Длинного, который уже выпрастывал вторую руку и поэтому без затруднений встретил мое нападение сильным и

точным пинком в колено.

Снова отлетая к двери, я услышала в ноге как будто хруст, поймала на миг налитые ужасом Марусины глаза и упала на пол рядом с ее пластмассовой сумкой. Господи, что же она мне только что говорила про эту сумку?! Что-то очень важное! И тут же у меня в голове торопливым Марусиным шепотом прозвучало: «Мама, у меня в сумке пистолет.». Я не стала гадать, откуда он у Маруси и как я буду стрелять, если ни разу в жизни никакого оружия, даже рогатки, в руках не держала, а глядя на Длинного, который уже действительно обматывал Марусину шею похожими на змей кожаными рукавами, нащупала среди спортивного барахла и учебников что-то металлическое, тяжелое и холодное, вытащила это и обнаружила в руках черный матовый пистолет.

Руке было удобно, и я ощутила огромную радость, когда увидела, что издевательская ухмылка на ненавистной бандитской роже сменяется изумлением и страхом. К сожалению, испугаться как следует он, конечно, не успел. Прицелившись как можно выше Марусиной головы, я нажала на курок, рука дернулась, и я с ужасом подумала, что промахнулась. Но этот первый в моей жизни выстрел оказался блистательным. Длинный без всяких киношных кривляний и судорог упал, как подрубленный, издав при соприкосновении с полом

громкий деревянный стук. Причем я так и не поняла, куда ему попала, крови, во всяком случае, видно не было.

Дрожащей рукой машинально запихивая оружие в обратно в пакет, другой обнимая вздрагивающую в беззвучном плаче Марусю, я сквозь слезы шептала:

— Ну что ты, солнышко мое, неужели ты думала, что я ему позволю что-нибудь тебе сделать? Ты думала, я тебя брошу? Это хорошо, что ты запаслась пистолетом, но я бы и без него бы справилась.

Маруся, не отвечая, прижалась ко мне еще крепче, но тут громко заколотили в запертую дверь у нас за спиной. Там еще что-то кричали, явно угрожающее, но звукоизоляцию «Друг» обеспечил на уровне, поэтому ничего, кроме визгливых интонаций коварной Сиваковой, я не разобрала, да и не до того было. Приходилось спешить. Мы кинулись по узкому коридорчику и очутились на крутой и еще более узкой лестнице, по которой буквально скатились в подвальное помещение. На фоне повсеместной черноты почти светлым пятном выделялся синий прямоугольник полуоткрытой двери, куда я и потащила Марусю.

Хорошо, что я вовремя вспомнила об охранниках и сообразила, что Сивакова, которой, конечно, пришлось поднапрячься, чтобы объяснить

наше исчезновение из запертой комнаты, успела отправить их на перехват. Хотя о черном ходе вряд ли им сказала. Это была их с Длинным маленькая, но опасная для нее тайна. И правда, только мы осторожно сунулись к синему прямоугольнику, как мимо протопотали тяжелые шаги, и гнусавый голос Квача произнес: «Нет их здесь! Неужели проскочили?!». Переждав, пока шаги заглохли, мы беззвучно подкрались к двери, прислушались и присмотрелись к окрестностям. Похоже, черный ход вел в сад, который мог расти только за домом, потому что возле крылечка на фасаде никакой растительности не было вообще, а тут высилась и шумела юной, по-весеннему пахучей листвой чуть ли не целая роща. Пригибаясь, мы преодолели пространство между кустами, надежно маскирующими выход из подвала, и деревьями, и нырнули в сень ветвей.

Мне было очень больно идти, все-таки этот гад Длинный что-то повредил в колене, и ногу приходилось подволакивать.

— Куда пойдём-то, Маруся? — прошептала я. — Вспоминай, в какой стороне твой реликтовый дуб растёт, и на чем мы сюда ехали.

— Зачем нам дуб? — удивилась Маруся. — Машины отъезжали от дома, значит, где-то рядом дорога. Мы сбоку и пойдём, чтобы не заметили.

Не успела я порадоваться Марусиной

наблюдательности, как совсем рядом с одной стороны раздался торжествующий вопль Сиваковой: «Вот они! Я слышу, как они шепчутся!», а с другой донесся шум мотора. Попытка к бегству не удалась. Сивакова была, можно сказать, на расстоянии вытянутой руки, только еще не успела нас обнаружить, а на подмогу ей очень вовремя поспешал Ленчик с подручными. И без долларов, как почему-то я была уверена, и значит, разъяренный не хуже сообщницы. Хорошо, пистолет у меня по-прежнему с собой.

— Сколько там патронов, Маруся? И вообще, откуда он у тебя? — озабоченным шепотом спросила я, копаясь в сумке и безуспешно стараясь делать это тихо.

— Липа дал, кто ж еще? И он сказал, что патронов шесть, значит осталось пять. Мама, а это что? — придушенно вскрикнула Маруся.

Я и сама не сразу поняла, что это вытянула из сумки вместо пистолета. Оказалось, кожаную куртку Длинного, которую я содрала с Марусиной головы и, видно, не соображая, что делаю, запихнула в пакет вместе с оружием. Я с силой отшвырнула куртку в сторону, и мы с Марусей сделали осторожный шаг назад, в чашу, но тут все вокруг залило таким ярким светом, что я зажмурилась, а Маруся прикрыла вывернутой ладонью глаза.

— Вот они! — радостно голося, на нас налетела Сивакова, действительно оказавшаяся совсем рядом. — Они убежать хотели! — наябедничала она подошедшему в сопровождении кожаной свиты Ленчику.

Насколько я запомнила членов этой банды, все были в сборе. И Харя, которому поручили проверить наши антресоли, тоже с интересом смотрел на нас.

— Ну и хотели, ну и чего? — мне уже нечего было терять. — Мы больные, что ли, сидеть и ждать, пока вы нас убивать станете за ваши паршивые доллары! Бандиты! Что вы с водителем сделали! Он-то здесь причем? Зачем? Все равно вас всех посадят, если только вы раньше друг другу горло не перегрызете!

Тут, видно, Сивакова сообразила, какого логического поворота можно ждать от моего бурного спича и, шипя, вцепилась мне в волосы. И столько в этой маленькой женщине было силы и злобы, что вряд ли мне самостоятельно удалось освободиться от нее, спасибо, Ленчик помог. Он оттащил ее от нас с Марусей, прислонил к дереву и неожиданно ударил по лицу.

— Ты что это, сука? — Ольга в бешенстве бросилась было и на него, но ее схватил за руки Харя.

А Ленчик с сарказмом поинтересовался:

— Ты сегодня шмонала их хату?

— А то ты не знаешь!

— И ничего там не нашла?

— Представь себе! А эта дрянь тебе мозги пудрит! Или, скажешь, Харя нашел доллары?

— Нет, Харя доллары не нашел. Он кое-что другое нашел — С этими словами Ленчик выставил куда-то за спину руку, и в ней, словно из воздуха, появился хорошо знакомый нам с Марусей рюкзак с фиолетовой лямкой. Только сейчас, судя по опавшим бокам, он был пуст.

— Объясни ей, где вы это взяли, — повернулся Ленчик к Харе.

— На антресолях, в мешке с тряпками.

Тут я все поняла, словно яркие лучи прожекторов с крыши особняка осветили заодно и мои изрядно запутавшиеся от всей этой кутерьмы извилины.

— Это она! Она сама и взяла эти доллары! — восхищенная собственной сообразительностью и возможностью отомстить противной бабе за Марусю, закричала я. — Она взяла деньги и свалила на нас.

— Заткнись, дура! Это ты их прикарманила! — не задержалась с ответом Сивакова.

Ленчик спокойно переводил взгляд с нее на меня, и, наверное, что-то для себя опасное уловила

в его глазах Ольга, потому что она перестала кричать и тихо сказала:

— Ты что, ей веришь, Ленчик? Но я же была не одна, вот и Квач подтвердит, что мы там ничего не нашли, ушли пустые. Как бы я от него такую кучу денег спрятала? И что бы я с ними стала делать?

Я очень испугалась, что ей удастся уговорить Ленчика, и нам с Марусей опять придется туго.

— Квач подтвердит! — ехидно засмеялась я. — Он, конечно, подтвердит! Да он же дебил! Вот кому мозги можно в минуту запудрить, потому что их у него вовсе нет!

Удивительно, но Квач, который в это время пробирался из толпы к Ленчику, собираясь, видно, поддержать Ольгу, при этих словах съежился и отступил в тень дерева. Но тотчас вышел из нее, держа в руках кожаную куртку, которую я недавно отбросила, как надеялась, очень далеко, а на самом деле она повисла на ветвях в двух шагах от места действия. Тупо глядя на находку, Квач протянул ее Ленчику.

— Это Длинного куртка, — сообщил тот, вытащив из кармана и быстро перелистав какие-то бумаги. — Смылся, сволочь!

Я уже не в состоянии была сообразать, чем для нас с Марусей чреват новый поворот событий, но до Сиваковой, которая никак не успела побывать

в убежище Длинного и наверняка ломала голову, как нам удалось от него улизнуть, что-то стало доходить. Несколько секунд она так же тупо, как Квач, смотрела то на Ленчика, то на куртку в его руках, потом перевела взгляд на меня и что-то неслышно прошептала. Но тут заговорила моя дочь:

— А вы не одна, вы вместе с Длинным эти деньги взяли.

— Что ты мелешь?! — вскинулась Ольга. — Придушить бы вас с самого начала...

Но Ленчик, не обращая на нее внимания, уже подходил к Марусе и, взяв ее за плечо, вежливо попросил:

— Если ты что-нибудь знаешь, скажи, девочка. Вам же с мамой лучше будет.

— Я только знаю, что Длинный прятался за комнатой, где вы... где мы сидели, а когда вы ушли, она туда зашла, и они там шептались.

«Что сейчас будет?» — лихорадочно думала я, понимая, что сейчас-то Ленчик в два счета выведает, как мы бежали, обнаружится труп Длинного, и Сивакова меня просто убьет! Может быть, моим же пистолетом.

Но тут Ленчик коротким жестом приостановил разоблачения Маруси, и лицо у него сделалось угрожающее. Повернувшись к Ольге, он ужасным голосом проговорил:

— Вот ты как, дешевка позорная! И вашим, и

нашим! Сначала делового своего заложила, потом нас сдала! Ну, поганка...

«Поганка» не стала дожидаться конца обвинительной речи, а выдернув откуда-то из-под мышки маленький, словно игрушечный, пистолетик, направила его на Ленчика. Выстрелить она не успела. Остановил Сивакову, как ни странно, Квач, от которого ждать быстрой реакции, казалось, не приходилось. В руках у него сейчас было что-то среднее между пистолетом и ружьем, из небольшого раструба на конце длинного ствола шел едва заметный дымок. А Ольга, на элегантном наряде которой ниже левого плеча расплывалось безобразное темное пятно, сидела возле дерева с опущенной головой, как будто хотела рассмотреть, что же это вдруг приключилось с костюмом.

— Уходим! — отрывисто скомандовал Ленчик. — Вы двое разберитесь с домом, только аккуратно. Мы пока погрузимся.

Квач и еще один бандит скрылись за углом, а Ленчик повернулся к нам с Марусей и что-то сказал, только мы не расслышали, потому что из-за деревьев со страшным шумом высыпали еще какие-то люди и заорали: «Оружие на землю, руки за голову!».

Совершенно забыв о том, что у меня тоже имеется огнестрельный предмет, я, вместо того, чтобы сдать его нападающим, прижала

пластиковую сумку к груди, а Марусю к дереву, заслонив ее спиной. «Третью банду я уже не выдержу!» — мелькнуло в голове. «Хотя, может, это и не банда», — была следующая мысль, потому что среди вновь прибывших я увидела Игоря.

Глава шестая

С Игорем мы познакомились недавно, месяца два назад. Он позвонил в редакцию с замечаниями по одному материалу, в котором я слезливо живописала бедственное положение стариков, которых переход на рыночные рельсы едва не заставляет бросаться на рельсы настоящие. У Игоря имелось несколько вполне здравых рассуждений о том, что помочь истинно нуждающимся можно, если отнять льготы у тех, кто получает их автоматически. Формально подпадающие под статью «социально незащищенные слои населения», они и доходами, и здоровьем, и положенными пособиями по всем статьям побивают своих социальных собратьев. Почему-то Игорь особенно ополчился против ветеранов войны, не всех, конечно, а «так называемых», в очередях за молоком расшвыривающих тыловых старух и пороку не нюхавших мамаш с младенцами. «Представляешь, на нем пахать, он любую лошадь загоняет, а трясет своей корочкой —

положено ему, и все!» — возмущался Игорь. Позже такой дифференцированный подход под официальным наименованием «адресная социальная помощь» стал модным, но тогда это была очень скользкая тема, и нападать на ветеранов мне бы никто не разрешил.

Впрочем, у Игоря, представившегося коммерческим директором небольшой фирмы («Так, Верочка, ничего особенного — там купил, там продал, наварился малость, и ладно»), по всем вопросам был свой взгляд, в который он охотно посвящал и меня. Он стал частым гостем в моем кабинете, живо интересовался всем, что я пишу, и давал дельные советы. Мы ходили в кино, и я потихонечку привыкла и к его визитам, и к его звонкам. Разумеется, все в редакции считали, что он мой любовник, а между тем никаких нежных чувств мы друг к другу не испытывали. Правда, поначалу я замечала некоторые поползновения к большей интимности, но каждый раз их решительно пресекала. Он был слишком похож на Марусиного отца, а у меня к этому мужскому типу — высокий, кудрявый, обаятельный брюнет — выработалось стойкое неприятие. К чести Игоря, он спокойно отнесся к любовному афронту, и сейчас, похоже, ровные дружеские отношения устраивали его не меньше, чем меня.

Чуть ли не в самом начале знакомства Игорь